

*Е.В. Чернышёва***Феномен земской интеллигенции
в отечественной историографии**

Ключевые слова: земская интеллигенция, «третий элемент», советская и дореволюционная историография, демократическая парадигма.
Keywords: Zemstvo intelligentsia, Russian historiography, Russian political life.

Создание органов земского самоуправления обусловило появление новой социальной группы – служащих в земских учреждениях по вольному найму. В условиях модернизации России в конце XIX – начале XX в. культурная и общественно-политическая деятельность земских служащих, непосредственно работавших в среде крестьянства, становилась важным фактором трансформации условий, уклада и образа жизни народа. Земская интеллигенция являлась активным социальным элементом, стремившимся установить новые правила жизни в русской деревне. Осознание этого факта стало общим местом в рассуждениях государственных и общественных деятелей того времени. Работа земского учителя, врача, агронома, статистика расценивалась как надежное средство рационализации экономических, социальных и психологических связей крестьянского мира. В русской общественной мысли генезис и развитие земской интеллигенции были увязаны с проектами возможного будущего России и манипуляциями общественным мнением в политических целях, а также созданием социально-политических утопий.

Тема земской интеллигенции с той поры приобретает политизированную окраску. После 1905 г. любое суждение о ее роли стало помещаться в контекст рассуждений о характере и масштабах земской хозяйственно-культурной деятельности и движущих силах земского движения. Из сочинений начала XX в. в советскую, а по наследству и в современную российскую историографию перекочевали такие выражения, как «реакционная политика самодержавия в отношении земских служащих», «борьба с демократическим третьим элементом», «столкновения бескорыстной и самоотверженной земской интеллигенции с земскими воротилами» и др.

Рассматривая степень изученности проблемы, необходимо обозначить общие принципы анализа историографического материала: во-первых, периодизация – дореволюционная историография, советская и современная; во-вторых, систематизация по выделенным этапам. Говоря о дореволюционной историографии, следует иметь в виду, что в ней отчетливо прослеживается политическая ориентация авторов

сочинений, обращенных к земской интеллигенции. Поэтому в основу положена группировка работ по политическим воззрениям их авторов. Советская историография имела свою специфику. В частности, определение историками тематики изысканий зависело от официальной идеологии. Предпочтение в выборе направления исследований в значительной степени определялось курсом партии в тот или иной период жизни советского государства. Отсюда неравномерность в представлении тем исследований по периодам. Исходя из этого для классификации советской историографии принят хронологический принцип. Современная историография отличается большим тематическим разнообразием и размытостью методологических и политических ориентаций. Поэтому она группируется в работе по проблемно-тематическому принципу.

В то же время можно выделить и некоторые общие идеи, разделяемые авторами, представляющими различные периоды развития историографии. Так, отечественная историографическая линия традиционно рассматривает формирование и развитие земской интеллигенции исключительно как положительный факт. Общественный характер ее профессиональной деятельности расценивается как противовес бюрократическому началу, как наиболее успешный и эффективный способ распространить в самых глухих уголках России блага культуры, помочь крестьянским массам улучшить свой быт и экономическое производство, форсировать становление гражданского общества. Иная точка зрения была характерна для консервативной историографии конца XIX – начала XX в., однако в силу крушения самодержавия она не получила дальнейшего развития.

Своеобразное отношение консервативных историографов к земской интеллигенции можно понять, если учесть, что в дореволюционную эпоху критерием принадлежности к интеллигенции служили главным образом идейно-психологические или идеологические характеристики. Авторы не отождествляли земскую интеллигенцию со всей массой земских служащих и не выступали против культуртрегерской работы земств. По их оценке, земскую интеллигенцию отличали особое мировоззрение и политическая практика. К.Ф. Голловин вспоминал, что она вербовалась «среди элементов большей частью политически-сомнительных», в том числе ссыльных, которые шли в земство не на культурную работу, а «для революционных целей»

[1, с. 206–207]. Наличие интеллигенции в земстве, близко стоявшем к населению, по мнению К.Н. Пасхалова, Д.Н. Цертелева, С.С. Бехтеева, означало, что она, стремясь всеми способами распространить в народе свою идеологию, играла деструктивную роль, способствуя ослаблению монархической государственности, утверждению в народном сознании атеизма, анархизма, неуважения к частной собственности [2–5]. Особое неприятие у консерваторов вызывал корпоративный дух земской интеллигенции, ее стремление организоваться в бюро и советы при губернских земских управах, выработать особые принципы и формы внутригруппового общения, с тем, чтобы влиять на подбор кадров земских служащих и на весь ход земского дела. При анализе причин усиления влияния в местном самоуправлении бесцензовой интеллигенции в конце 1890-х – начале 1900-х гг. авторы указывали на отсутствие четкой государственной политики в отношении земских учреждений, а также на инертность русского дворянства, призванного играть в земстве ведущую роль, но не всегда справлявшегося с этой задачей.

Принципиально иной была позиция либералов, писавших о земской интеллигенции. В начале XX в. в публикациях либеральных исследователей наметилась тенденция к идеализации земства как бесконфликтной модели взаимоотношения сословий, которая «объединяла лучших людей земли на служение народу». Д.И. Шаховской, В.М. Хижняков, А.А. Русов, Г.Е. Львов, А.И. Шингарев изображали земских либералов как самоотверженных борцов за нужды народа, которые бескорыстно исполняли свой труд, а земская служилая интеллигенция им в этом активно помогала [6–9]. Д.И. Шаховской подчеркивал, что именно благодаря земству появились «новые люди», «своеобразные общественные работники», которые воспитались на земской службе; «образовался новый круг отношений и культурных навыков, и все это внесло в облик русской жизни новые интересы, возможности и факты» [10, с. 5].

Отмечая заслуги земской интеллигенции по подъему культуры и быта народа, либералы не признавали за ней самостоятельной роли в местном самоуправлении и указывали на ее исполнительные функции в земстве. Рост численности и общественного значения земской интеллигенции в 1890-е – начале 1900-х гг. авторы связывали с активизацией земского либерального движения, главную роль в котором играли выборные земские гласные из числа дворян, и изменения их тактики отвоения у самодержавия конституции. Согласно В.А. Маклакову, «когда передовые земцы начали войну «за конституцию», помощь «интеллигенции» была им необходима» [11, с. 136–139]. По словам И.И. Петрункевича, земская интеллигенция должна была стать связующим звеном между народом и земскими либералами и помочь преодолеть их отчужденность [12, с. 208.]. После первой русской революции иллюзии

относительно союза двух групп земства развеялись. Часть либералов осознала необходимость размежевания конституционализма, стоящего на позициях права, с революционными силами, что повлияло на оценку результатов общественно-политической и культурной деятельности земской интеллигенции [13].

В привлечении внимания русского общества к проблемам земской интеллигенции, выявлении специфических черт, отличавших ее мировоззрение, оценке ее роли в общественно-политической жизни земств и страны в целом на разных исторических отрезках ведущая роль принадлежала демократической историографии (неонароднической и марксистской). Основными авторами сочинений были Б.Б. Веселовский, И.П. Белоконский, Л.Д. Брюхатов, Н.И. Иорданский, В.Е. Трутовский, А.В. Пешехонов, Ф.А. Данилов, В.С. Голубев [14–19]. Земской интеллигенцией, или «третьим элементом», они считали активную часть служащих, которая «защищает идею самостоятельности земства, отстаивает принципы всеобщего образования и бесплатной медицинской помощи, а в политической области работает для разрушения режима». Службу интеллигенции в земстве авторы расценивали как акт нравственный и во многом жертвенный, подвижнический. Согласно В.Е. Трутовскому, успех деятельности земской интеллигенции объяснялся тем, что она не была связана с помещиками и их классовыми интересами, а была соединена с народом по своему экономическому положению, поскольку «не обладая капиталом, имела источником существования приложение личного труда» [20, с. 39].

Упомянутые исследователи создали представление, согласно которому земская интеллигенция была главным тружеником и реальной движущей силой земской жизни, оказывавшей существенное влияние на демократизацию общественной и практической деятельности местного самоуправления и земского движения. Они утверждали, что именно интеллигенция являлась основной хранительницей оппозиционных настроений в земской среде, а отнюдь не либеральное дворянство из числа гласных. Большинство демократических исследователей считало, что «настоящая» земская интеллигенция, осознающая себя в качестве особой группы, политически активная, сложилась только к началу 1890-х гг. Хотя начальный этап ее формирования неонароднические авторы относили к 1870-м гг. и связывали с деятельностью революционных народников. Представители марксистского направления в историографии были не согласны с такой трактовкой. Начало становления земской интеллигенции как «общественного типа с определенным содержанием» Б.Б. Веселовский, Ф.А. Данилов, Н.И. Иорданский, А.Н. Потресов относили ко второй половине 1880-х гг. По словам Н.И. Иорданского, причиной, которая побудила интеллигенцию отправиться рабо-

тать в земство, стало «крушение веры» в революционизм народа, а земство оказалось тогда «единственным легальным убежищем для проявления практической деятельности» [21, с. 52–53].

Сочинения представителей демократического направления в историографии имеют большое значение, поскольку позволяют со всей отчетливостью обозначить угол зрения социалистов на проблемы общественно-политической и культурной деятельности земской интеллигенции. Именно из их сочинений многие оценки, воспринимаемые некритично, перекочевали в советскую, а затем и современную российскую историографию.

Анализируя ситуацию написания этих работ, мы сталкиваемся с феноменом особой системы личных, неформальных связей, объединявших общественных деятелей, занимавшихся проблемами земства и земской интеллигенции. Это специализированное сообщество воспринималось остальной частью демократической «общественности» в качестве группы экспертов, и поэтому выводы и оценки этой группы оказывались быстро ретранслируемыми в «общественное мнение» и демократическую прессу, получившую после 1905 г. значительное распространение, что создавало эффект общественной истины, противопоставляемой точке зрения и консерваторов, и либералов. Именно через письменное слово демократическая интеллигенция активно самоутверждала себя как социальная группа, продуцируя в общественное сознание мифы о выполняемых либо присваиваемых (реально или номинально) ею социальных функциях и ролях. Язык таких сочинений был предопределен системой интеллигентской семиосферы и культурных кодов, оказывавших априорное воздействие на конструирование объекта наблюдения, перечень рассматриваемых вопросов и соответственно получаемые выводы [22].

Традиции советской историографии земской интеллигенции были заложены В.И. Лениным. Несмотря на негативную характеристику земства, которое, по мнению классика, «было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления», он дал высокую оценку практической деятельности земских служащих и указал на их бесправное положение при самодержавии [23]. В период борьбы за власть партия большевиков рассматривала земских служащих, особенно самую массовую и малообеспеченную их часть — учителей, как один из объектов своих политических манипуляций. Эти обстоятельства способствовали тому, что в Советской России разработка истории земской интеллигенции оказалась в лучшем положении, чем история самого земства. В 1920-х гг. в советской историографии определилось два магистральных направления в исследовании интересующей нас темы: служащие земских учреждений в революционном движении и профессиональная хозяйственно-культурная дея-

тельность основных категорий земской интеллигенции (врачей, учителей, статистиков).

Первым объектом изучения стало выяснение степени и форм участия в общественном движении земских учителей. И.Л. Цветков, С.А. Золотарев, Н.А. Малиновский в своих работах пришли к схожим выводам, согласно которым в революционной деятельности принимал участие лишь «авангард сельского учительства», который выступал под народническим лозунгом «земли и воли» [24; 25]. Пик активности в революционном движении земских учителей, согласно историкам, пришелся на годы первой русской революции, после чего последовал его резкий спад. Более массовым, по мнению И.Л. Цветкова, было профессиональное движение земских учителей, находившееся в значительной мере под влиянием земских либералов и выступавшее за улучшение правового и экономического положения учительства. Причины слабости революционного движения земских учителей он объяснял с марксистских позиций: учителя были оторваны от рабочего движения, не понимали задач классовой борьбы и в массе своей были «настроены идеалистически» [26, с. 174].

Резко негативное отношение ко всем непролетарским движениям и партиям, утвердившееся в советской историографии в 1930-е гг., привело к тому, что дальнейшее развитие знания в области изучения земского либерального и демократического движения было остановлено. История земской интеллигенции вплоть до середины 1950-х гг. затрагивалась лишь в работах, посвященных отдельным вопросам развития статистики, народного образования и медицины. Эти публикации не были прямо направлены на изучение общественно-политической деятельности земских служащих. Отличительной чертой рассматриваемого периода развития советской историографии по проблеме была ее предельная разрозненность и дифференцированность [27–31].

Значительные изменения в советское время претерпела источниковая база исследований. Раскрытые после 1917 г. архивы Министерства внутренних дел, Департамента полиции, губернских жандармских управлений позволяли исследователям определить формы и степень участия земской интеллигенции в революционной деятельности. Важный комплекс данных составили источники личного происхождения. Особое значение для советских историков имели мемуары и автобиографические статьи бывших земских служащих, ставших членами РСДРП (б) [32–34].

XX съезд КПСС дал мощный толчок развитию советской исторической науки и способствовал выдвижению новой тематики изысканий, в том числе по истории земских учреждений и истории интеллигенции. Уже в первом крупном исследовании, посвященном деятельности земских учреждений на Урале, обнаружили черты, ставшие типичными для работ

советских историков, в которых затрагивались вопросы хозяйственно-культурной деятельности земских служащих. Организацию начального народного образования, создание бесплатной медицинской помощи, проведение земских статистических обследований М.И. Черныш рассматривал в тесной связи с политическими процессами в дореволюционной России и соотносил с фазами революционного движения в стране [35]. В таком контексте деятельность земского врача, учителя, статистика политизировалась автором и подавалась как результат классовой борьбы передовой русской общественности на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения. Другой особенностью советской историографии земской интеллигенции стало стремление авторов развести результаты практической деятельности буржуазно-помещичьих земств и демократов из числа земских служащих. Это нашло отражение в работах историков медицины – М.М. Левит, И.Д. Страшуна, П.Е. Заблудовского, Л.О. Каневского, Л.Н. Карпова; статистики – А.И. Гозулова; начального образования – А.В. Ососкова [36–42].

Нельзя не отметить значительную смысловую трансформацию термина «интеллигенция» в советское время, что повлияло на оценку авторами генезиса и развития земской интеллигенции. В подходе к определению этой социальной общности советские историки отбросили идейные и психологические характеристики, свойственные дореволюционной историографии, выставив за основной материалистический критерий профессиональной занятости. Вслед за В.И. Лениным они утверждали, что интеллигенция – «это общественная прослойка, состоящая из людей, занимающихся умственным трудом» [43, с. 161]. В результате такого подхода понятия «земский служащий», «земская интеллигенция» и «третий элемент» оказались идентичными. Земская интеллигенция представала как часть социального слоя русской интеллигенции. Согласно Н.М. Пирумовой, «особенность, дающая основания рассматривать ее как отдельную группу, состояла в общественном характере ее профессиональной деятельности» [44, с. 3]. В советской историографии утверждалось, что земская интеллигенция появилась одновременно с созданием земств, а в дальнейшем под влиянием развития капитализма в сельском хозяйстве происходил ее численный рост.

К началу 1980-х гг. в советской историографии благодаря работам Е.Г. Корнилова, В.Р. Лейкиной-Свирской, А.В. Ушакова, Г.С. Кузьминой, К.К. Тарасова сформировалась концепция, согласно которой земская интеллигенция по своей политической направленности, как и демократическая интеллигенция в целом, занимала «промежуточное», неустойчивое положение и могла колебаться между революцией и реакцией [45–49]. На разных исторических отрез-

ках за нее вели борьбу народники, либералы, эсеры, социал-демократы. Априоризм советских историков, под влиянием которого факты часто подгонялись под заданные теорией схемы, вел к показу «закономерностей перехода» наиболее активной части земской интеллигенции на сторону социал-демократии в начале XX в. Для советских историков земский интеллигент либо «стоял на передовых позициях» и разделял революционное мировоззрение, меняя его согласно основным этапам освободительного движения (в 1870-е гг. – революционно-народническое, в 1890-е – марксистское, начиная с 1900-х гг. – большевистское), либо проявлял несознательность. По мнению авторов, только «прогрессивную» земскую интеллигенцию отличали самоотверженность и бескорыстность в работе, высокое сознание своего долга, борьба за улучшение условий жизни трудящихся масс. Как будто земский врач или учитель, разделявший традиционные для самодержавной России ценности, не мог быть профессиональным и честным работником. Но в советской историографии изучалась только та часть земских служащих, которая участвовала или гипотетически могла участвовать в освободительном движении, все остальные участники событий рисовались реакционной массой. Выстраивание четкой линии от революционных народников к марксизму сопровождалось снисходительным и даже негативным отношением к практическому народничеству и тем более либерализму, который объявлялся идеологией соглашательства и половинчатых мер.

Рассмотрение мировоззрения достаточно крупной общности людей является весьма сложной исследовательской задачей. Советские историки традиционно недооценивали значение идей в общественной жизни. Вместо изучения групповых представлений различных профессиональных отрядов земских служащих и самоидентификации земской интеллигенции в целом они сделали упор на определение ее численности, выяснение социального состава и материального положения. В исследованиях подчеркивалось, что именно эти факторы помогают уяснению причин тяготения земской интеллигенции к оппозиции. Недворянское происхождение и обездоленное материальное положение значительной части земской интеллигенции рассматривались как важнейшие гарантии сочувствия делу революции. Согласно анализу основных профессиональных групп земских служащих, проведенному в работах Е.Г. Корнилова, Т.Н. Львовой, Т.П. Прокофьевой, Н.М. Ушаковой, земская интеллигенция в своем большинстве «состояла из выходцев из семей мещан, крестьян и сельского духовенства» [50–52]. Именно поэтому, считали историки, служащие земств «неспособно эксплуатировались капиталистами и царизмом», в то время как особенности труда и социальное происхождение делали их близкими к простому народу. Общеизвестным стало признание за земской

интеллигенцией демократизма, авторы указывали на ее постоянный и непосредственный контакт с народными массами. То, что земская интеллигенция была разделена внутри себя на страты, существенно отличавшиеся в социальном и имущественном отношении, — учитывалось мало. Считалось, что всех земских служащих объединяло негативное отношение к самодержавию. В результате проблема того, как строились и видоизменялись отношения различных социальных групп внутри земской интеллигенции, оказалась наименее изученной советскими историками. Не ставилась в исследованиях и проблема культурных механизмов воздействия земской интеллигенции на крестьян и обратных процессов. Главным образом в советской историографии был рассмотрен период общественно-политической деятельности земской интеллигенции с конца 1860-х и до 1905 гг., и практически не была изучена ее история после Первой русской революции.

В годы перестройки появились новые подходы в оценке земской интеллигенции. Н.М. Пирумова не считала всю земскую интеллигенцию априори революционной и на первый план в ее общественной и практической деятельности выдвигала культурничество. По ее мнению, вклад «третьего элемента» в общественную борьбу состоял «в действенной профессиональной работе в народе, приводившей к повышению грамотности, улучшающей медицинское обслуживание, содействующей росту сознания крестьян». Однако, следуя советской традиции, автор настаивала на том, что бессловесная земская интеллигенция в массе своей была земству «посторонней», поскольку ее классовые интересы и интересы земских гласных были различны [44, с. 234].

В начале 1990-х гг. в отечественной исторической науке произошли масштабные изменения. Отразились они и на изучении истории земства и земской интеллигенции. В первую очередь это было связано с началом процесса переосмысления отечественной истории с применением новых методологических подходов. Со временем изучение системы земского самоуправления стало обуславливаться практическими задачами общественного и государственного развития новой России. Большинство современных исследователей деятельность земств рассматривается как своеобразный социально-политический феномен русской жизни второй половины XIX — начала XX в. Авторы отошли от противопоставления или преднамеренного разделения целей и результатов общественно-политической и культурной деятельности земских гласных и земских служащих и вернулись к дореволюционной либеральной трактовке характера их взаимоотношений. В публикациях Л.Е. Лаптевой, В.Ф. Абрамова, О.А. Салова акцент делается на совместной работе двух групп земства — ценовых гласных и нецензовой интеллигенции [53–55]. Авторы отдают дань

«благородному и самоотверженному» труду земских учителей, агрономов, врачей, фельдшеров и других категорий служащих. При этом В.А. Горнов специально обращает внимание на то, что «стратегия» земской деятельности разрабатывалась земскими гласными, в то время как «третий элемент» только претворял в жизнь меры по подъему культуры и быта народа [56, с. 42]. Нарушение этого правила имело место, по словам П.И. Шлемина, «лишь в условиях политической и социальной нестабильности» [57, с. 24]. В исследованиях содержатся важные сведения о динамике численности основных категорий земских служащих в различные периоды истории земства, показаны особенности их внутригруппового общения (съезды, совещания, работа бюро при управах).

В работе Г.А. Герасименко создание земского аппарата (земские собрания и управы, различные отделы и комиссии при управах) и формирование кадров земских служащих, насчитывавших к 1914 г. около 150 тыс. человек, оценивается как важный итог реформы 1864 г. По мнению историка, «этот аппарат управления, отработанный и проверенный длительной практикой», стал альтернативой большевистским советам после февраля 1917 г. [58, с. 51, 108].

Высоко оценивая материальные достижения земства, многие современные историки изображают его как самый успешный общественный проект дореволюционной России, а в качестве препятствия «дружной» работе земских гласных и служащих выставляют авторитарно-бюрократическую систему царской России. Практически аксиомой стало высказанное на заре XX в. утверждение С.Ю. Витте, по которому самодержавие и самоуправление — две вещи несовместные [59]. В этом отношении показательны изыскания Л.А. Жуковой, в которых она обосновывает наличие в пореформенной России трех типов конфликтов: между самодержавным государством и формирующимся гражданским обществом; между административными структурами и земскими учреждениями; между бюрократией и земской интеллигенцией. По оценке автора «творческая, созидательная работа русской интеллигенции в земствах была своего рода альтернативой народничеству, носившему скорее разрушительный характер». Исходя из теории модернизации Л.А. Жукова пишет, что земская интеллигенция была той социальной группой, которая повлияла на политическую культуру общества «в плане формирования не только повиновения, зависимости и подчинения, но и культуры политического участия, столь характерную для периода становления гражданского общества» [60, с. 26–27].

Несмотря на обилие работ, в которых затрагиваются вопросы исторического генезиса и форм общественно-политической и культурной самореализации земской интеллигенции, единого общепринятого подхода в трактовке этого социального

явления пока не выработано. В результате сложилась парадоксальная ситуация. Л.А. Жукова, В.П. Мельников утверждают, что земская интеллигенция была носителем идей законности и правового государства, в то время как Н.Г. Королева, Е.М. Петровичева приводят многочисленные примеры того, как земские служащие принимали активное участие в революционной деятельности, выдвигали радикальные лозунги, инициировали крестьянские беспорядки [61; 62].

Е.М. Петровичева исследовала наименее изученный в дореволюционной и советской историографии период в истории земства и пришла к выводу, что во время Думской монархии, когда государство стало активно сотрудничать с земством, финансируя его социальные программы, в среде земских служащих продолжали господствовать неонароднические и социал-демократические идеи. По оценке историка, «земская интеллигенция не сумела понять всей важности произошедших в стране перемен, не оценила нового курса правительства»; в изменившихся условиях она использовала политические права и свободы для дискредитации той самой власти, которая их ввела [63, с. 86, 191].

Социокультурный аспект в изучении темы поднимает в своих публикациях Ф.М. Бородин. По его мнению, понять причины кризиса земских учреждений в начале XX в. невозможно без изучения особенностей национальной психологии [64, с. 98–111]. Автор предлагает начать с анализа социальных характеристик «человеческого материала», непосред-

ственно приводившего в действие органы местного самоуправления. По его утверждению, огромное влияние на характер функционирования земств оказывало правовое сознание всех участников земской системы: избирателей, кадрового состава гласных, служащих по найму, администрации; понимание ими принципов самоуправления и осознание в нем своей роли. Согласно автору, земским учреждениям не доставало компетентных работников, способных разобраться в противоречивых нормативных актах и проявить разумную инициативу.

В целом отечественным историкам удалось составить представление о генезисе и становлении основных групп земской интеллигенции, изменении их численности, особенностях социальной идентификации, основных формах общественно-политической и хозяйственно-культурной деятельности. Нельзя сказать, что авторы едины в своих оценках идеологии и практики земской интеллигенции. В новейших исследованиях сделаны только первые шаги по концептуальному обновлению истории земской интеллигенции, оценке ее общественной роли на общероссийском и региональном уровне. Большой интерес, на мой взгляд, заслуживает проблема культурного взаимодействия земской интеллигенции и крестьянского мира. Пока нет достаточно ясного представления о том, в какой мере деятельность земских служащих отвечала задачам построения правового государства и рыночной экономики, помогала адаптации крестьян к реалиям индустриального общества.

Библиографический список

1. Головин, К.Ф. Мои воспоминания / К.Ф. Головин. – СПб., 1910. – Т. II.
2. Пасхалов, К.Н. О мерах к прекращению беспорядков и улучшению государственного строя / К.Н. Пасхалов. – М., 1905.
3. Пасхалов, К.Н. Земское самодержавие / К.Н. Пасхалов // Московские ведомости. – 1905. – №117.
4. Бехтеев, С.С. К возрождению или разложению? / С.С. Бехтеев. – М., 1905.
5. Цертелев, Д.Н. Земская бюрократия / Д.Н. Цертелев // Московские ведомости. – 1900. – №35.
6. Львов, Г.Е. Наше земство и 50 лет его работы / Г.Е. Львов, Т.И. Полнер. – М., 1914.
7. Хижняков, В.М. Воспоминания земского деятеля / В.М. Хижняков. – Пг., 1916.
8. Руссов, А.А. Краткая энциклопедия земского дела в его историческом развитии / А.А. Русов. – Киев, 1914.
9. Шингарев, А.И. Земская и городская Россия: прошлое и будущее / А.И. Шингарев. – М., 1915.
10. Шаховской, Д.И. Пятидесятилетие земства / Д.И. Шаховской // К пятидесятилетию земства. 1864–1914 г.: очерки экономической деятельности земства. – М., 1914.
11. Маклаков, В.А. Власть и общественность на закате старой России / В.А. Маклаков. – Париж, 1936.
12. Петрункевич, И.И. Из записок общественного деятеля / И.И. Петрункевич. – Прага, 1934.
13. Вехи. Из глубины: сб. статей о русской интеллигенции. – М., 1991.
14. Брюхатов, Л.Д. Значение «третьего элемента» в жизни земства / Л.Д. Брюхатов // Юбилейный земский сборник. – СПб., 1914.
15. Голубев, В.С. Роль земства в общественном движении / В.С. Голубев. – Ростов-на-Дону, 1905.
16. Ачадов (Данилов, Ф.А.) Третий элемент его значение и организация / Ачадов (Ф.А. Данилов). – М., 1906.
17. Веселовский, Б.Б. История земства за 40 лет: в 4 т. / Б.Б. Веселовский. – СПб., 1909–1911.
18. Пешехонов, А.В. Кризис в земской статистике / Пешехонов А.В. На очередные темы: материалы для характеристики общественных отношений в России. – СПб., 1904.
19. Белокопский, И.П. Земское движение / И.П. Белокопский. – М., 1914.
20. Трутовский, В.Е. Современное земство / В.Е. Белокопский. – Пг., 1914.
21. Иорданский, Н.И. Земский либерализм / Н.И. Иорданский. – М., 1905.
22. Могильнер, М.Б. Мифология подпольного человека / М.Б. Могильнер. – М., 1999.
23. Ленин, В.И. «Третий элемент» / Полн. собр. соч. – Т. 5.
24. Золотарев, С.А. Очерк учительского объединения в России / С.А. Золотарев. – Пг., 1919.

25. Малиновский, Н.А. Народный учитель в революционном движении / Н.А. Малиновский. – М., 1926.
26. Цветков, И.Л. К истории учительского движения в России / И.Л. Цветков // Учитель и революция : сб. ст. – М., 1925.
27. Игумнов, С.Н. Очерк развития медицины в губерниях, вошедших в состав УССР, в Бессарабии и Крыму / С.Н. Игумнов. – Киев, 1940.
28. Якобсон, С.А. История земской хирургии в Московской губернии : очерк по истории русской хирургии / С.А. Якобсон. – М., 1930.
29. Потапова, Н.М. История земских школ Московской губернии в начале XX века : дис. ... канд. пед. наук / Н.М. Потапова. – М., 1945.
30. Вераксо, К.В. Развитие начального образования на Урале (Школа Пермского земства) : дис. ... канд. пед. наук / К.В. Вераксо. – Свердловск, 1948.
31. Константинов, Н.А. Очерки по истории начального образования в России / Н.А. Константинов, В.Я. Струминский. – М., 1953.
32. Мицкевич, С.И. Записки врача-общественника. – М. ; Л., 1941.
33. Семашко, Н.А. Избранные произведения / Н.А. Семашко. – М., 1956.
34. Соловьев, З.П. Пятидесятилетие земской медицины / З.П. Соловьев // Вопросы здравоохранения. – М. ; Л., 1940.
35. Черныш, М.И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство / М.И. Черныш. – Пермь, 1959.
36. Левит, М.М. Что сделала и чего не смогла сделать земская медицина / М.М. Левит // Советское здравоохранение. – 1964. – №7.
37. Заблудовский, П.Е. История общественной медицины. Период до 1917 г. / П.Е. Заблудовский. – М., 1960.
38. Каневский, Л.О. Основные черты развития медицины в России в период капитализма. (1961–1917) / Л.О. Каневский, Е.И. Лотова, Х.И. Идельчик. – М., 1956.
39. Карпов, Л.Н. Земская санитарная организация в России / Л.Н. Карпов. – Л., 1964.
40. Страшун, И.Д. Полвека земской медицины (1864–1914) / И.Д. Страшун // Очерки истории русской общественной медицины в России : сб. ст. – М., 1965.
41. Гозулов, А.И. Очерки истории отечественной статистики А.И. Гозулов. – М., 1972.
42. Ососков, А.В. Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917) / А.В. Ососков. – М., 1982.
43. Ерман, Л.К. Состав интеллигенции в России в конце XIX – начале XX века / Л.К. Ерман // История СССР. – 1963. – №1.
44. Пирумова, Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. / Н.М. Пирумова. – М., 1986.
45. Лейкина-Свирская, В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. / В.Р. Лейкина-Свирская. – М., 1971.
46. Корнилов, Е.Г. Земская демократическая интеллигенция 70-х гг. XIX века / Е.Г. Корнилов // Вопросы общественного и социально-экономического развития России в XVIII–XIX веках. – Рязань, 1974.
47. Ушаков, А.В. Демократическая интеллигенция периода трех революций в России / А.В. Ушаков. – М., 1985.
48. Кузьмина, Г.С. Медицинская интеллигенция Саратовской губернии в первой русской революции / Г.С. Кузьмина // История партийных организаций Поволжья. – Саратов, 1978. – Вып. 8.
49. Тарасов, К.К. Народные учителя Тверской губернии в общественном и революционном движении перед первой российской революцией (1895–1904) / К.К. Тарасов // Революционное движение демократической интеллигенции России в период империализма : сб. науч. тр. – М., 1984.
50. Львова, Т.Н. Земская демократическая интеллигенция Московской губернии и ее участие в революционном движении 1870 – начала 1890-х гг. / Т.Н. Львова // Ученые записки МГПИ. – М., 1965. – Т. 229.
51. Прокофьева, Т.П. Земские служащие в Московской губернии в конце XIX – начале XX века / Т.П. Прокофьева // Проблемы истории СССР. – М., 1979. – Вып. 10.
52. Ушакова, Н.М. Социально-экономическая характеристика земских служащих на примере земского учительства Пермской губернии / Н.М. Ушакова // Историко-юридические исследования правовых институтов и государственных учреждений СССР. – Свердловск, 1986.
53. Абрамов, В.Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура / В.Ф. Абрамов. – М., 1996.
54. Салов, О.А. Земство: первый реальный институт местного самоуправления в России / О.А. Салов. – М., 2004.
55. Лаптева, Л.Е. Земские учреждения в России / Л.Е. Лаптева. – М., 1993.
56. Горнов, В.А. Историография истории земства России: отечественные исследования второй половины 1940-х – начала 1990-х годов / В.А. Горнов. – Рязань, 1997.
57. Шлемин, П.И. История местного самоуправления в России: 1864–1917 гг. / П.И. Шлемин // Местное самоуправление: Российский вариант : научно-аналитические обзоры. – М., 1993.
58. Герасименко, Г.А. Земское самоуправление в России / Г.А. Герасименко. – М., 1990.
59. Витте, С.Ю. Самодержавие и земство / С.Ю. Витте. – 2-е изд. – СПб., 1908.
60. Жукова, Л.А. Земское самоуправление и бюрократия в России: конфликты и сотрудничество: 1864–1917 гг. / Л.А. Жукова. – М., 1998.
61. Мельников, В.П. Земское управление как проявление либеральной тенденции в политическом развитии России: опыт, исторические судьбы и уроки / В.П. Мельников. – М., 1993.
62. Королева, Н.Г. Земство на переломе (1905–1907 гг.) / Н.Г. Королева. – М., 1995.
63. Петровичева, Е.М. Земства Центральной России в период Думской монархии (1906 – первая половина 1914 гг.) / Е.М. Петровичева. – М., 2001.
64. Бородкин, Ф.М. Ценности населения и возможности местного самоуправления / Ф.М. Бородкин // Социс. – 1997. – №1.